

Глава 2

Сваха Цай, криво усмехнувшись, отвернулась.

«Больно уж норовистый, — подумала она, — характер колючий, а язык — чистый яд. Неудивительно, что до сих пор в гээрах засиделся»

Заметив, что гостя помалкивает, Тао Циньюй закатил глаза и, увлекая за собой троих «хвостиков», вошёл в дом.

— Ты бы потише.

За дверью Фан У потянул сына за закатанный рукав и укоризненно прошептал:

— Хоть пару слов придержи.

Циньюй бросил взгляд на шкворчащее в котле мясо, и на душе у него окончательно заскребли кошки.

— Неужто ты не видишь, папа? Она же просто пришла на дармовщину.

Младший папочка легонько щелкнул его по лбу.

— О тебе же пекусь, непутёвый.

Сердце Фан У было не на месте: единственный гээр в семье уже вошёл в пору зрелости, а из множества смотрин так ничего и не вышло. Как тут не тревожиться?

Тао Далан, сидевший у очага, при виде сына широко улыбнулся. Он поднялся, ловко подцепил палочками несколько ломтиков обжаренного мяса, выложил их в небольшую миску и протянул юноше.

— Поделись с братьями.

Сегодня он трудился в поле, выкапывая батат, и не помогал Циньюю с торговлей. Мужчина понимал, что сын купил мясо, желая побаловать домочадцев, но раз уж в дом пришёл гость, не накормить его было бы верхом неприличия.

Глядя на добродушную улыбку отца, Циньюй не знал, злиться ему или вздыхать. Он нехотя принял миску и примостился на низкую скамеечку, чувствуя, как внутри всё клоочет от досады.

— Рыбы же вдоволь, зачем ещё и мясо переводить?

В их доме мясо видели от силы раз или два в месяц, да и крупную рыбу из собственного пруда обычно берегли на продажу. А эта сваха Цай заявлялась уже в который раз — и неизменно подгадывала к самому обеду.

Пришла — и ладно, за стол посадить не жалко. Беда была в другом: гостя вела себя совершенно беспардонно, выгребая из общих блюд лучшие куски. Младшие братья, затаив дыхание, ждали этой редкой трапезы, а она не оставляла им ни крошки. Даже если подавали огромный чан с рыбой, добрая половина исчезала в её утробе. Домочадцам же оставалось лишь вежливо помалкивать да доедать пустой бульон.

«Словно мы не хозяева в своём доме, а слуги, обязанные улаживать заезжую госпожу», — от этой мысли юноша багровел от гнева.

Заметив, что сын и впрямь не на шутку рассержен, Фан У со вздохом погладил его по спине. Нравом Цинъюй пошёл в него — такой же вспыльчивый. А ведь парень и так за день на рынке намаялся, к чему ему лишние расстройства?

— Моя вина, — мягко проговорил папа. — В следующий раз будем умнее. Ну же, Юй-гээр, вымой миски, пора за стол.

Утихомирить Цинъюя было проще простого. Услышав ласковый голос, юноша смущённо покраснел и тут же вскочил, принимаясь за дела. С этим человеком он просто не мог долго упрямиться.

Семья Тао, если сравнивать с соседями, была не самой многочисленной. У деда и бабки Цинъюя родилось трое сыновей. Старший, Тао Синъюн — он же Тао Далан — взял в мужья Фан У. Цинъюй был их единственным ребёнком.

Второй и третий братья, Тао Синлун и Тао Синван, были близнецами. Второй дядя служил помощником повара в городском трактире и женился на Сун Хуань, дочери тамошнего кулинара. У них подрастали двое сыновей: старшему, Тао Циншу, исполнилось пятнадцать, и он уже помогал отцу на кухне, а младший, семилетний Цинцзя, пока оставался дома.

Дядя Синван тоже выбрал себе в супруги фулана по имени Ян Цюэ. В их союзе на свет появились близнецы: гээр Тао Цинъя и мальчик Тао Цинмяо. В страду третий брат гнул спину в поле, а в затишье подрабатывал в уезде подёнщиком. Сегодня он вместе с супругом, который надеялся продать в городе кое-какие безделушки, тоже отправился в путь.

Казалось бы, имея собственный пруд, семья не должна была бедствовать. Однако род Тао лишь

в позапрошлом колене сумел выбиться из батраков. Дед, Тао Юлян, с малых лет познал тяготы издольщины. Позже, когда пришло время делиться, старики трудились не покладая рук, чтобы оставить наследникам хоть какой-то капитал. В итоге им удалось справиться три крытых соломой дома да выкупить десяток му земли.

И хотя сейчас под одной крышей жило три поколения, и все были сыты и одеты, дед и бабка за долгие годы работы на износ подорвали здоровье. Болезни не были смертельными, но визиты к лекарю и снадобья раз в месяц обходились в кругленькую сумму. Прибавьте к этому скудные урожаи, налоги и ораву детей — и станет ясно, почему мясо в доме Тао было редким гостем.

Обедали в главной комнате за квадратным столом. Бабушка, госпожа Цзоу, уже усадила деда на почётное место. Сваха Цай, не дожидаясь приглашения, первой заняла стул. Следом пристроились Тао Далан с Фан У, а с краю примостились Цинъюй с младшим братом Цинцзя. Близнецам места за столом не хватило: им выдали по низкой скамеечке, приспособив вместо стола высокую подставку.

— Приступайте, — подал знак глава семьи.

Стоило деду Тао взяться за палочки, как Цинъюй и Цинцзя обменялись короткими взглядами. Сваха, не теряя ни секунды, уже занесла руку над тарелкой с мясом, явно намереваясь выгрести всё подчистую.

«Жизнь и так не сахар, а уж если мясо перепало — своего не отдам!» — мелькнуло в голове у Цинъюй.

В тот же миг палочки братьев молниеносно взметнулись над столом. Под ошеломлёнными взглядами взрослых они в два счёта переполовинили блюдо.

— Дедушка, кушай мясо, — с медовой улыбкой произнёс Цинъюй.

— Бабушка, подкрепись мясом, — невинно поддакнул Цинцзя.

Сваха Цай, глядя на опустевшую тарелку, недовольно скривилась, но лишь быстрее заработала челюстями, налегая на остатки.

— Юй-гээр... — Фан У, только пришедший в себя от этой кутерьмы, попытался было приструнить сына.

— Ну же, папочка, ешьте и вы с отцом, — невозмутимо перебил его юноша.

Цинцзя, тихонько хихикая, ловко подыгрывал старшему брату, не забывая подсовывать куски и младшим близнецам. Не прошло и пяти минут, как блюдо с мясом и чесночными стрелками было вылизано до блеска.

Сваха Цай замерла в немом изумлении. Глотая обиду, она с удвоенным рвением принялась за рыбу. Цинъюй же больше не встревал — он сидел смирно, наслаждаясь едой. Заметив в своей миске заветный кусочек, он в прекрасном расположении духа потрепал Цинцзя по голове.

Обед закончился быстро. Сваха Цай, хоть и осталась без свинины, уходила сытой и довольной.

— Ну, дело я изложила, обедом вы меня уважили, — проговорила она, вытирая рот платком. — Семья Вань — вариант просто чудесный. Если дадите согласие, я мигом отправлюсь с ответом.

— Не согласны мы! — отрезал Цинъюй.

— Юй-гээр! — Фан У строго осадил сына. — Иди к себе.

— Стало быть, согласны, — сваха, сияя лоснящимся от жира лицом, расплылась в довольной улыбке, отчего её пухлые щеки мелко затряслись.

Младший папочка только открыл рот, но Тао Далан мягко придержал его за руку.

— Гээр не согласен, — тихо проговорил отец, — нам нужно всё хорошенько обдумать.

— Я и сам знаю, — огрызнулся Фан У. Повернувшись к свахе, он принужденно улыбнулся: — Мы обсудим это в кругу семьи. Дадим ответ через три дня.

Эти слова заставили гостью искренне удивиться. Надо же, с его-то положением — и ещё привередничает! Да кто на него в округе, кроме этих Вань, посмотрит? В глазах свахи на миг промелькнуло презрение, и дежурная улыбка чуть сползла с её лица.

Она схватила Фан У за локоть и, отведя в сторонку, затараторила:

— Послушайте, почтенный, да о чём тут думать? У этих Вань и земля своя, и дом крепкий. Парень — единственный сын в роду, да к тому же в первый раз женится. Золотые условия! Если бы не возраст — самую малость за двадцать перевалило, — разве взглянули бы они на вашего... на гээра вашего.

Распаляясь всё больше, она упёрла руки в бока и приняла важный вид:

— Я, Цай Цзиньхуа, не одну сотню пар сосватала, мне верить можно — не прогадаете. Другая бы за такого и братья не стала. Мой вам совет: соглашайтесь. Парню пора гнездо вить, а те уж заждались ответа.

Фан У замялся, с трудом сдерживая досаду. Вспомнив упрямый нрав сына, он всё же возразил:

— Видите ли... деревня Эрли от нас недалеко, да и...

«Ишь, кочевряжится!» — хмыкнула про себя сваха и тут же перебила:

— Да что там далеко? У самого уезда считай. Близость к городу — разве ж это плохо? И нечего тут рассуждать: брак — это воля родителей да слово свахи, когда это гээров спрашивали? Он ещё мал да глуп, не смыслит в своём счастье ничего.

Видя, что Цай Цзиньхуа не намерена отступить и требует ответа немедля, выставляя всё так, будто семье Тао выпала великая честь, Фан У почувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Пусть его Юй-гээр и прямодушен лишку, но парень он золотой: и собой хорош, и в работе любому мужику фору даст. Не будь их семья столь стеснена в средствах, разве позволил бы он так попрекать своего сына?

Голос у свахи был зычный — ещё немного, и о подробностях их спора узнает вся деревня. В этот момент подал голос дед Тао:

— В любом деле осмотрительность нужна, когда это в сватовстве спешка к добру приводила? Три дня — срок невеликий, дела не испортит.

Слова главы рода заставили сваху осечься. Она лишь досадливо махнула платком, словно отгоняя назойливую муху.

— Ладно уж, три дня так три дня. Бывайте.

Калитка с грохотом захлопнулась за её спиной, и сваха Цай, важно покачивая бедрами, удалилась.

— Ишь, вырядилась, точно шмат сала на блюде, — буркнул Циньюй, — думает, везде ей кланяться станут.

Дед Тао посмотрел на воинственный вид внука и негромко вздохнул:

— Приберите со стола. Позже соберёмся в главной комнате, есть разговор.

Циньюй невольно напрягся. Только бы снова не про замужество.

Когда посуда была вымыта, а дети отправлены во двор под присмотр Цинцзя, четверо старших и Циньюй остались в тишине главной комнаты.

— В этот раз о женитьбе говорить не будем, — начал дед Тао.

— Отец! — вскинулся Фан У.

Тао Далан успоивающе накрыл ладонь супруга своей.

— У отца свой резон.

— Никакого резона нет, — дед на мгновение задумался, прежде чем вынести решение: — Эту бабу, сваху Цай, в наш дом больше не пускайте.

Цинъюй едва не подпрыгнул от радости. Неужто дождался?

— Вот и правильно! Давно она мне поперёк горла стояла, — парень так закивал головой, что старшие невольно заулыбались.

Бабушка Цзоу добавила:

— Раньше она всё причитала, что на нашего Юй-гээр и смотреть-то никто не хочет. А сегодня прилетела, сияет вся, расписывает этих Вань так, будто это принцы заморские. Не верю я ей.

— Сын мой, — обратилась она к Тао Далану, — ты всё же разузнай про них потихоньку.

— Сделаю, матушка.

— Я сам всё выведаю, — вызвался Цинъюй.

— Ты-то куда? — Фан У лишь руками всплеснул. — Ты гээр на выданье, не гоже тебе по таким делам шнырять.

Дед Тао подвёл итог:

— С Юй-гээр торопиться не станем, дело это тонкое. Страшно в спешке жизнь человеку загубить.

Младший папочка помрачнел:

— Восемнадцать уже...

В деревне гээров сватают в четырнадцать, а в шестнадцать они уже в чужой дом уходят. Понятно, почему на возраст сына косо смотрят.

— Семья у нас небогатая, так что задержка — дело понятное, — отрезал дед.

Раз глава семьи сказал своё слово, Фан У осталось лишь смиренно кивнуть. Но про этих Вань он и впрямь решил разузнать всё досконально.

Когда обсуждение закончилось, Цинъюй намеренно замешкался. Дождавшись, пока папа скроется за дверью, он тут же развернулся к деду. Тот сидел на месте, даже не шелохнувшись, и лишь тихонько усмехнулся:

— Хитрая душа.

Тао Далан тоже притих в сторонке, пододвинув табурет поближе к отцу.

— Дедушка, отец, я не хочу замуж уходить, — вполголоса признался Цинъюй.

Старик призадумался, прежде чем ответить:

— Так не пойдет.

Отец согласно покачал головой:

— И впрямь, не годится. Сейчас я тебя прикрою, но годы берут своё. Непокойно мне оставлять тебя одного.

В глазах Цинъюя заплясали лукавые искорки.

— А что, если повременить? Накоплю денег да возьму мужа в дом, примаком? Всё равно ведь я у вас один, кто ж за вами в старости присмотрит?

Тао Далан ахнул:

— Да разве... разве так можно?

Дед Тао, услышав это, ничуть не удивился. Он лишь улыбнулся так, что морщинки в уголках глаз собрались в глубокие складки.

— Коли наш Юй-гээр на такое способен будет — почему нет? Глядишь, и впрямь в своём доме обид меньше знать будет.

— Тогда уговор: если папа снова станет на меня наседать — вы за меня заступитесь.

— О нет, тут я не помощник, — отец затряс головой так активно, что даже сомнений не осталось.

Дед несильно хлопнул старшего сына по макушке:

— Тьфу, недотёпа! Родной кровинушке помочь боишься?

— Так ведь супруг серчать станет...

— Подкаблучник, — вздохнул Цинъюй и с надеждой воззрился на деда: — Ну, а вы, дедушка?..

Старик покосился на двор, где бабушка с Фан У уже вовсю хлопотали по хозяйству. Если разобраться, в гневе они друг друга стоили — обе крутого нрава. С такими не совладать...

— Кха-кха... Я ведь бабушке твоей обещал в это дело не вмешиваться.

Лицо Цинъюя вытянулось от разочарования:

— Эх, никакой от вас опоры.

Тао Далан смущенно почесал в затылке и робко улыбнулся:

— Ну что ты, сын, как можно так про отца...

Дед тоже слегка покраснел, чувствуя себя не в своей тарелке.

<http://bllate.org/book/15858/1436922>